Мария
Суворовская

Качели над Каспием

Мария Суворовская

Качели над Каспием

«Издательские решения»

Суворовская М. С.

Качели над Каспием / М. С. Суворовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960503-0

Каждый из нас хотя бы раз в жизни становился заложником судьбоносных качелей. Переполняющие эмоции, не давая покоя, могут раскачивать нас до бесконечности. Но всегда есть возможность остановиться. Сделать выбор, принять себя, близких, заменить адреналин на спокойствие и стабильность. И каждая из героинь этой повести принимает своё решение, которое меняет будущее и перенаправляет вектор жизни. Вдохните запах Каспия и погрузитесь в повесть, в которой главная героиня — любовь.

ISBN 978-5-44-960503-0

© Суворовская М. С.
© Издательские решения

Содержание

Шекербура 6
Рецепт шекербуры 15
Гранатовый сок 16
Выпуск №34, журнал «ПРОЖЕКТОР», 21 сентября 2017 года 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Качели над Каспием

Мария Сергеевна Суворовская

© Мария Сергеевна Суворовская, 2018

ISBN 978-5-4496-0503-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шекербура

Кусая шекербуру, запивая её ароматным кофе, смешивая горьковатый привкус обжаренных зёрен со сладкой ореховой начинкой, начинаешь воспринимать осень по-другому – в ней появляется абсолютно уютная нега. Сахарные фундук и миндаль наполняют тебя магическим вкусом. И время останавливается. Шекербура – сахарная завитушка – удивительное печенье родом из Ирана, выпекается в основном на праздник весеннего равноденствия Навруз байрамы. Шекербура словно по волшебству возрождает в Таше солнце. Когда-то любимый человек научил её именно так начинать день. И теперь, когда тяжело или атакует усталость, Таша варит крепкий кофе и, нарушая все диеты, съедает калорийную сладость. Таше бесконечно нравится рассматривать узоры джынагы. Они наносятся на одну сторону лакомства приспособлением наггаш и напоминают пшеничные колосья. Колосья на печенье – как нити событий, их много, они соединены в один правильный узор, в одну жизнь. В которой всё так, как должно быть. Причины настоящего не в прошлом – они в будущем.

Лёгкой сухой прохладой в столице обосновалась осень, солнечными бликами растворяясь между домов, вселяя умиротворение и спокойствие. Все неизбежно. Когда падают листья, приходит осознание, отчётливое ощущение, что все циклично. И всё сменяет друг друга. Жизнь и смерть. Прошлое и настоящее. Настоящее и будущее. Молодость и старость. Всем одинаково не хочется стареть. Телом. Душой. И даже украдкой мечтается, чтобы не старело прошлое. Впрочем, разве можно говорить о старении прошлого? Прошлое замирает. Останавливается в том месте, в котором нажимаешь кнопку «стоп». Чтобы потом многократно прокручивать, переживать, переоценивать, злиться и радоваться, сокрушаться, сожалеть об ошибках и, конечно, любить. Любить так, как можно любить только там. Нежно, трепетно, на одном вдохе или отчаянном выдохе, чувствуя каждый удар сердца, каждый момент дня. Глотая воздух с привкусом волшебства. Там все иначе. Прошлое никогда не стареет. Оно даже как хороший коньяк с годами становится лучше. Потому как плохое имеет свойство забываться, а хорошее – приукрашиваться.

Таша точно знала, прошлое – это единственное, что делает нас навсегда молодыми. Мы остаемся там, далеко-далеко, и в чужих воспоминаниях продолжаем вести свою, параллельную основной жизнь.

– Зайаза, – сын тащил рычащего шпица к двери. Тот периодически скулил и пытался вырваться.

– Гоша, отпусти собаку. И кто научил тебя так ругаться? – Таша сделала максимально строгий голос.

– Не знаю, – пробурчал сын.

Всё внимание было сосредоточено на шпице. Пёс визжал, а Гоша продолжал двигать собаку за собой, то беря её на руки, то, уставая, бросая и таща за шерсть.

Гоша в своем трёхлетнем возрасте на лету схватывал слова, выражения, фразеологизмы, моментально включая их в лексикон. Букву «р» он не выговаривал, и слово «зараза» звучало в его исполнении мягко, забавно и иронично. Шпиц понравился малышу на фотографии в журнале, и Таша, желая порадовать ребенка, поехала и купила собаку. Дома уже были алабай, чихуахуа и кот мейн-кун. Но… Иногда взрослые радуют детей, чтобы испытать сатисфакцию самому. Подтвердить, что они хорошие родители, поддерживающие инициативы подрастающего поколения. У Таши в детстве не было столько животных. Персидский кот-меланхолик, один на всю семью, больше напоминал маленькую плюшевую игрушку, застывшую в красивой позе на диване. Теперь же Таша вкушала все радости ответственности за подопечных и прирученных.

– Всё, оставь собаку. Надо ехать. Мы уже опаздываем, – Таша забрала Ёжика. Так питомца назвал сын.

Октябрь был непривычным, без дождя и слякоти. Несмотря на то, что прохладный ветер всё-таки обозначал середину осени, можно было продолжать щеголять в пиджаке или лёгком пальто, наслаждаясь очарованием жёлтой листвы и свежего утро. Утро, кстати говоря, не задалось. Кофемашина отказалась работать. Пришлось достать турку. Гоша протестовал против сборов в детский сад, продолжая сидеть наполовину одетым в кровати. А теперь – мучая пса, в трусах и натянутых на голые ноги резиновых сапогах. Их большой дом в утренние часы превращался в хаос, все бегали, спешили, круша и сметая всё на своем пути. Цель была одна – успеть, не опоздать. Сегодня все уехали раньше них с Гошей, и можно позволить себе собираться вальяжно, без скорости. Но всё равно приезжать в сад на два часа позже остальных детей некорректно. Таша всегда отличалась пунктуальностью и всей внутренней дисциплиной ненавидела опаздывать, тем более беспричинно. Но теперь, наплевав на бытовые неурядицы, стоя около окна, в котором напоследок веселилась осень, ей совсем никуда не хотелось. Чашка кофе грела руки, мысли убегали далеко и не стремились быстро возвращаться. Вкус шекербуры уносил в солнечные бакинские улочки. Хотелось погрузиться глубоко в себя, бродить по аллеям памяти, копаться в мельчайших деталях прошедших событий и чувствовать в районе солнечного сплетения желанное тепло. Тепло волнительное, лёгкое, обнадёживающее. Таша ещё умеет чувствовать и любить. Тепло об этом напоминает.

– Гоша, снимай немедленно сапоги. Надевай колготки и джинсы. Всё лежит на кровати, – Таше пришлось со вздохом вернутся к реальности.

Она знала, что, демонстративно плача и топая ногами, Гошик всё равно оденется сам и будет готов минут через десять. Значит у неё есть время быстро накраситься и уложить волосы. Последние пять месяцев её жизни заметно перевернули быт. Она долго ждала, что в её доме появится это чудо – маленький ребенок. Да, она видела его именно таким – активным, громким, ярким. Таким он должен был вырасти через пару лет после рождения. Но у Таши сразу появился трёхлетний сын. Сын. Как это звучит! Когда она это проговаривает, её распирает гордость. Она растит мужчину. И ради этого мужчины она готова на все. Гошик вертит ей, пытается манипулировать, а ей это даже нравится. Любовь к сыну – это особая любовь к мужчине. Мужчине, которого создаешь ты. Гоша появился в её жизни в первые дни лета. Когда уже потерялась надежда. Ирония судьбы: если бы четыре года назад всё сложилось иначе, у неё мог бы быть такой биологический сын. Сын от человека, которого Таша из прошлого где-то в параллельной вселенной продолжает любить, страстно и по-особенному. Но жизнь не терпит сослагательных наклонений.

Таша с Гошей наконец собрались и сели в машину. Солнце плескалось в осенней лазури неба. Хотелось открыть окна, включить музыку и ехать долго-долго – в большое путешествие, любоваться подмосковным лесом вдоль дорог, горящим оранжевыми оттенками, разбавленными охрой. Хорошо жить за городом, можно видеть природные изменения, смену времён года. По радио, перебивая музыкальную композицию, бодрый утренний диджей вещал о позитивном настрое, противостоянии осенней депрессии и необходимости чашки кофе в эти утренние часы. Отметающие всю суету, такие будничные поездки наполнены романтикой. И, если научиться замечать в цейтноте простые радости, можно становиться счастливее, свободнее и гармоничнее. Гармония – это успешные переговоры с самим собой. Порою мы знаем, как договориться с мужем, партнёром, клиентом… И не знаем, что предложить себе, чтобы жить стало лучше, спокойнее, веселее. Убивая себя излишним перфекционизмом и самоанализом, мы сжигаем внутреннюю душевную микрофлору. Но при этом хотим, чтобы на этих выжженных полях расцвёл город-сад. А так не бывает. Только успокоив себя, поливая лучшие ростки в своем сознании, можно ожидать цветы счастья. Простого счастья. Когда не трясёт, не беспокоит, не взрывает страхами, не мучает фобиями и паническими атаками. Было время, когда

Таша не знала, как перестать себя изводить, прыгать в пропасть с обжигающей лавой ненависти. Добрый, искренний человечек. Именно человечек. Ещё пять лет назад Таша была лёгкой, воздушной, открытой нараспашку эмоциям, миру, людям. Она просыпалась с мыслью о любви и творчестве, а засыпала с мечтами о будущем дне. Пока планы, в которые она так сокровенно верила, не рухнули. Больно. Вдребезги.

– Вы что-нибудь пили? – спросил анестезиолог.

– Да, глоток сока, – ответила тогда Таша.

– Кто разрешил ей пить? Почему не предупредили? – врач ругался, казалось, на всех одновременно в операционной.

– Не ругайтесь. Мне сказали. Я выпила машинально… Я не подумала…

– Ладно, готовим… Мы вколем вам наркоз, считайте в обратном порядке от десяти.

Она никогда не забудет свет той операционной лампы. Этот обратный отсчёт. После которого началась другая жизнь. Да, она выпила сок. Потому что ничего не соображала. Руки не слушались, слёзы лились, она не помнила, как поднялась в палату из кабинета УЗИ. В котором совершенно бесчувственная тётка сказал ей, что сердце её с Русланом ребенка не бьётся. Просто не бьётся. В её понимании, это рядовой случай. Воткнула аппарат, сказала, на выход. Никакого сожаления, сочувствия. Обычная городская больница. Где никто не обязан, наверное, говорить особенные слова. Или просто утро у той тётки было угрюмым, а Таша первой пациенткой после летучки.

– Наталья, – так Ташу звали по паспорту и так она была записана в медицинской карте, – поднимайтесь в палату, я передам информацию лечащему врачу.

– Может, оно забьётся? Может, подождать? Так же бывает? Я читала…

– Это ваше право, ждать или нет. Я думаю, ждать нечего, надо оперировать. Не задерживайте меня, там десять человек в очереди.

И Таша вышла и пошла наверх, без мыслей, в пустоте собственного персонального горя. Ночью накануне она молилась и верила. Верила, что утром будет всё хорошо. Хотя интуиция давала сигналы – сердце остановилось. Внизу живота было холодно. Вообще было холодно везде. Может быть, в больнице плохо топили. Но не спасали ни носки, ни два одеяла, ни чай. Холод распространялся по телу, пальцы рук и ног немели. Била дрожь. Таша тихо выла. Она понимала, что, теряя ребенка, она теряет всякую надежду на будущее с Русланом. Самый идиотский женский миф о том, что мужчину можно привязать ребенком, к которому неглупая Таша всегда относилась скептически, засосал, заманил её перспективой быть с ним – мужчиной, страсть к которому отключала всякий здравый смысл.

Наталья Сергеевна Иванова к тому дню всегда считалась хорошей девочкой: отличница, медалистка, лауреат премий, обладательница профессиональных наград, общественный деятель, пример для подражания, гордость семьи. Со школьной скамьи Таша была на хорошем счету. Везде её выбирали, выделяли, поддерживали. Она всегда совершала осмысленные поступки. Внешние импульсивность и эмоциональность на самом деле не были двигателем её решений. Таша разумно шла по жизни. И забеременела от Руслана специально и решительно. Она точно помнит тот день. Для закрепления результата она долго лежала ногами вверх и посылала сигналы космосу. Прижиться, остаться и, как казалось, наладить всё, что никак не складывалось в цельный паззл.

– Как ты назовёшь сына? – спрашивала она Руслана в постельной неге.

– Мурад, красивое имя… – подыгрывал тот её мечтам и легко импровизировал.

– Му-рад, – разделяя имя на слоги, Таша будто пробовала его. – Да, звучит. Мне нравится.

– Он будет такой же серьёзный, как я, и такой же упрямый, как ты. А ещё у него будут такие же длинные ресницы, как у тебя, Зараза Иванова.

– Нет, Зараза Рагимов, у тебя длиннее ресницы. Поэтому пусть возьмёт твои.

Таша не помнит тот момент, когда они стали в шутку называть друг друга Заразами. Но был в этом свой шарм, пароль к их тайному сакральному миру. В который никто не заходил. Они никого не впускали. Неделя-две раз в полгода, оторванные от основной повседневной жизни, принадлежали только им. Они упивались друг другом. А разлетаясь по делам, в телефоне и скайпе строили сладкие планы на будущую встречу. Жизнь от встречи до встречи для Таши теряла смысл. Работа, люди и даже успехи – всё было до тошноты рутинным. И пережить это можно было только за новую радость объятий.

За полтора месяца до больницы Наталья Иванова уволилась из государственной корпорации, с хорошей должности, к которой двигалась почти десять лет по карьерной лестнице. Ушла в никуда. Обосновалась в офисе у подруги и пыталась начать свое дело. Рекламное агентство тогда было слабо похоже на предприятие. Скорее, Наташа была агентом нескольких изданий и объединяющей силой ряда фрилансеров. Искать новую работу, раскидывать резюме, отдыхать… Этого Таша не могла себе позволить. Мама, дочь, съёмная квартира. Она чувствовала себя виноватой перед семьёй за всё случившееся. Ей хотелось убедить своих, что все хорошо, работа движется, бизнес строится, деньги есть и переживать не стоит. Сама же она каждое утро в поисках успокоения ехала в храм, стояла со свечой у иконы Николая Угодника и просила об одном – чтобы всё наладилось. Она не могла объяснить святому, богу и себе, как всё должно быть, потому как запуталась Таша окончательно. Наломанных дров хватило бы, чтобы построить целый город. Уволилась Наташа потому, что её не отпустили в очередной раз в Баку. А солнечная столица Азербайджана манила. Голова шла кругом от желания бросить холодную зимнюю Москву и приехать в солнечный январь к улыбчивым людям, морскому горизонту и любимому мужчине. Она помнит, как ехала за рулём и объясняла начальнице, что улететь просто необходимо. До этого она всегда входила в положение. Таша была ценным сотрудником, умеющим работать на бешеной скорости на результат за десятерых. И ей многое прощалось. Марии Михайловне – вице-президенту компании по коммуникациям – по-своему нравилось следить за этим горячим, ярким романом, которым не каждого одаривает судьба. Но в тот раз она наотрез отказывалась отпустить Ташу. А у Натальи больше не было сил. Просто не было внутреннего резерва ждать. Психологическая зависимость отражалась на здоровье. Она плохо себя чувствовала, медленно работала, теряла интерес к деловым вопросам и проектам.

– Нет, Таша. Ты знаешь, я всегда входила в положение. Но ты недавно летала. Мы только запустили благотворительный марафон. Кто его будет вести?

– Я буду заниматься дистанционно, – оправдывалась Таша.

– Как ты это представляешь? Ты в правительство дистанционно будешь ездить? Или на расстоянии встречаться со спонсорами? – сарказм в её словах жестоко отдалял Наташу от бакинского праздника.

– Я возьму за свой счёт.

– Нет. Это окончательное решение. Не уговаривай, не стоит тратить ни твоё, ни моё время.

– Пожалуйста. Я болею. Мне надо отдохнуть, подлечиться… Я потом с новыми силами больше сделаю. Я больничный за десять лет ни разу не брала! – Таша с надрывом пыталась убедить начальницу сжалиться и отпустить.

– Нет. Разговор окончен, – резюмировала Мария Михайловна.

И телефон отключился. Таша на эмоциях поехала и взяла билет. Потом отправилась в магазин, купила новые платья, сапоги, аксессуары. Настроение было так себе. Переступить, нарушить принципы, пойти против правил было непривычно. Но она уже всё решила. Неведомая сила упорно вела её к аэропорту. Мама была против. Но её советы не действовали. Даже если бы отменили все рейсы в Баку, она поехала бы на машине. Сломалась бы машина – пошла пешком. Решение было непоколебимо.

Трудно было предать, обмануть Марию Михайловну. Эта женщина по-матерински вела её десять лет в компании, пестовала, воспитывала, учила. Она многое вложила в Ташу. Помогала ей стать лучше, взрослее, как бы сказали сейчас модные бизнес-тренеры, эффективнее. Начальница знала все перипетии истории с Русланом, советовала, напутствовала. Можно сказать, они дружили, как могут дружить две женщины, связанные рабочими вопросами. Им всегда было о чем поговорить, кого обсудить. Это тесная дружба была рабочим двигателем. Доверительные отношения их тандема положительно сказывались на продвижении проектов и инициатив, они поддерживали друг друга, не давали интригам и внешним раздражителям сломать их выстроенную стратегию, которая практически всегда была успешной. Мария Михайловна успокаивала её во время развода с первым мужем, выбивала ей премии, посылала в интересные командировки. Таше было позволено больше, чем другим. И Наталья это ценила. Всё, за что бралась Наташа, приводило к триумфам компании и радости руководства. Взять билет и улететь означало отправиться в один конец. Это был вызов. Начальникам, себе, судьбе, будущему. На тот момент Таша до конца не понимала, что творит, какие последствия могут быть у этого опрометчивого поступка. Спустя годы она пожалеет, что не поговорила с начальницей по душам. Впрочем, тогда это было невозможно.

Трезвые мысли проснулись уже в Баку, к третьему дню пребывания. Лежа в ванной, Таша наконец-то поняла, что её могут уволить, как говорится, по статье. Тогда она написала заявление на отпуск за свой счет и отправила его по электронной почте… Конечно, её уволили. Две недели спустя, по возвращении. Правда, по-человечески. По собственному желанию. Гробовая тишина в офисе, сотрудники, отводящие глаза в сторону, проступающие слезы при сборе в коробки личных вещей. Позже она взглянет на эту ситуацию по-другому и в целом будет благодарна судьбе за такой поворот событий. Но тогда наступила невесомость. Отсутствие опоры. Она держалась. Пыталась строить свое дело. Благо были связи, настойчивость и вера в собственные силы.

Да, она планировала беременность. Да, она хотела ребёнка от Рагимова. Да, она мечтала, что этот ребёнок чудесным образом поселит её навсегда в Баку. Она будет просыпаться в квартире на Гаджибекова, смотреть в панорамные окна на Каспий, ходить беременной в ожидании чуда по Приморскому бульвару. Придумает себе какое-то красивое занятие. Например, будет писать книги, создавать капсульные коллекции одежды или откроет маленький магазин детских вещей. Господи, где была её рассудительность? Она спала, усыплённая мечтой, иллюзией счастья. Которое, казалось, было так близко.

В день, когда она утром лежала ногами вверх, Таша отправилась в мечеть. Надела длинное глухое платье чёрного цвета и пришла в старый город в Лезгинскую мечеть. Ей хотелось попросить помощи бога. Ехать вечером далеко одной в православный храм она не решилась. До Ичери Шехер было подать рукой. Тем более, что Таша где-то вычитала, что чтение молитвы в доме другой религии усиливает её силу. Её спокойно пропустили в женскую половину, и час Таша общалась с богом. Пока женщины рядом читали намаз, она обращалась к небесам с православными молитвами, всеми, которые помнила. Таша чувствовала вибрации в теле, верила, что бог слышит её призывы подарить сына. Сына, который приблизит её к Руслану. И она перестанет бояться его потерять.

Мечеть Ашура пропитана стариной. Говорят, её построил в 1169 году мастер Наджаф Ашур Ибрагим оглу. Это в простонародье мечеть именуется Лезгинской. Так она стала называться после нефтяного бума XIX века, когда в Баку наблюдался большой приток рабочей силы, в том числе и из Дагестана. Для проведения религиозных обрядов эта мечеть была предоставлена рабочим-лезгинам. Мечеть по объёму имеет форму параллелепипеда. На южном фасаде позднее были открыты два небольших окна. Небольшой вход в форме стрельчатой арки, расположенный в северо-восточной части мечети, ведёт в широкий однокамерный молельный зал. Таша знала и помнила, что Руслан – лезгин, родился на границе с Дагестаном, в Хачмазе.

Придя в мечеть Ашура, Таша словно пыталась воздействовать на него – через его религию, через его мир, в который никогда не могла попасть полностью.

В тот вечер в Баку было очень ветрено. Ветер пронизывал. Руслан обещал поужинать вместе и не приехал. Она шла одна по городу. Чужому и родному одновременно. Она сжимала кулаки, закутывалась в легкую норковую накидку. Тогда Таша не понимала, что один маленький, пусть и очень желанный эмбрион не сможет побороть систему. Многовековую систему. Религию, традиции, ценности, общественное мнение.

– Ты бы вышла за меня замуж?

– Это предложение? – радостно спросила она Рагимова.

– Почти. Просто интересно.

– Если предложение, то… – выдержав паузу, – наверное да. Как я могу тебе отказать? Тем более, Наташа Рагимова – прикольно звучит.

Глупая. Глупая и наивная девочка. Детская вера, юношеский максимализм. Повзрослевшую себя она позже будет спрашивать – зачем он задавал ей этот вопрос? Кажется, был в их истории момент, когда Руслан был готов пойти против родителей, окружения. За полгода до беременности он сажал её в самолет со словами:

– Езжай выбирай свадебное платье.

А она улетала в предвкушении, с порхающими в животе бабочками.

– Алло! Алло! Иванова, я тебя не слышу. Говори громче. Или давай я тебе перезвоню, – Руслан быстро говорил на том конце провода.

– Это важно. Подожди.

– У меня переговоры. Мне неудобно говорить. Давай позже.

– Я беременна, – неловко, со скрытым ликованием сказала Таша.

– Что? Не слышу…

– Я жду ребёнка, – уже громко и более уверенно сказала Наталья.

– Перезвоню. Жди, – прошипел в трубку Руслан, словно находился в месте, где разговоры совсем запрещены.

Она тогда так и осталась стоять недвижимо около окна маленькой съёмной квартиры на первом этаже. Не понимая, что делать. Поставить чайник? Позвонить подруге? Плакать? Смеяться? Эмоции качелями раскачивали организм. Руслан перезвонил через пару часов.

– Надо делать аборт. Тебе прислать деньги? – слова острой иглой через ухо проникли в мозг.

– Ты что, сошёл с ума? Это мой ребёнок, и я его люблю. Мне всё равно, какое ты примешь решение, – речь Таши умышленно приняла официальный тон. Сердце билось. Тошнота подступала.

– Какой ребёнок? Нет там ещё никакого ребёнка. Там нет души, сердца ещё нет. Иди в больницу. Тысячи женщин делают аборт.

– Тысячи делают, а я не буду, – глаза Таши налились слезами.

– Тебе не нужен сейчас ребёнок. Мне не нужен, – слова били. Пощёчина за пощёчиной. – Ты начинаешь бизнес, ребёнок будет мешать.

– Какой бизнес? Я сейчас говорю о ребёнке, о нашем ребёнке… – эмоции взяли вверх. – Это живое существо, созданное из тебя и меня. Неужели ты не понимаешь? Тебе его не жаль?

– Жаль, – спокойно отвечал Руслан. – Но сейчас не время. Не время, понимаешь?

– Я ненавижу тебя, – смогла выдавить Таша и положила трубку.

Два дня молчания. Два дня истерик. Мама тоже была за аборт. Потому что абсурдность ситуации переходила все границы. Мужа нет, работы толковой нет, квартиры своей нет. Нет, нет и ещё раз нет. А Таша отвечала:

– Да! Я буду рожать.

И она бы родила. И она бы воспитала. И смогла бы. И пережила бы. И всех бы переубедила. И доказала бы. Но нет у жизни сослагательного наклонения. Всё так, как должно быть. И причины не в прошлом. Они в будущем, в котором у Таши другие роли. Теорема без доказательства. Всё решилось само собой. У небес свои планы на нас. Руслан перезвонил через два дня после новости. Таша несколько раз не взяла трубку. Потом ответила.

– Прости. Прости меня, – Рагимов мог и умел использовать показательно несчастный тон. Но Таше хотелось сохранить хладнокровие и не поддаться сиюминутному желанию всё мгновенно исправить. Простить.

– За что? Ты сделал выбор. Руслан, ты взрослый человек. Прощать не за что.

– Оставь ребёнка. Мы что-то придумаем. Я буду помогать.

– То есть ты не зовёшь меня замуж, не предлагаешь переехать. Ты что-то потом, где-то и когда-то придумаешь. Ты сам себя слышишь? – Таше было уже нечего терять.

– Успокойся. Просто я не был готов к этой новости, – он, видимо, готовился к разговору, и выбить его из эмоциональной стабильности Наташе не удавалось.

– Руслан, я оставила ребенка. Это моё решение. Ты можешь жить своей жизнью. Я ни к чему тебя не обязываю. Пока я не понимаю, как построить свою жизнь с ребёнком. Но время всё расставит по своим местам.

– Я люблю тебя, Зараза.

– Не стоит, – обида бушевала в Таше. И радоваться она не могла.

Мама давила. Деньги заканчивались. Надо было работать, ездить на встречи. Холодный февраль, общественный транспорт. На машине Таша осмеливалась передвигаться только по родному маленькому подмосковному городку. Это сейчас она колесит по Европе, Москве, дорогому сердцу Баку и везде чувствует себя как дома. А тогда всё было иначе. И на другой конец Московской области двадцать шестого марта она отправилась на электричке, потом на метро, следом на автобусе. Провела встречу, вернулась в московский офис. Замёрзла, набегалась. Зашла в туалет и увидела кровь. Руки задрожали. Быстро вызвав такси, Таша рванула домой. Позвонив подруге-гинекологу, Таша всю дорогу молилась. Смотрела в окно на грустный пейзаж ранней весны. Слякоть, мокрый снег, почти дождь, тоскливые черные прогалины и депрессивное серое небо. Каждой деталью вокруг мир не предвещал ничего хорошего.

Гоша подпевал радио. А Таша ехала и думала, какое красивое осеннее небо в этом октябре. Девственно чистое, без единой тучки. Дорога на работу наполняла детской радостью. И воспоминания, кружившие в голове, были не тягостным грузом, а другой жизнью, другой Ташей, к которой было любопытно возвращаться. Та Таша однозначно добрее, проще. Сегодняшняя Наталья жёстко и адекватно оценивает людей, иногда цинично делит их на нужных и не очень, когда того требуют обстоятельства. Не любит, когда её пытаются использовать и манипулировать ею. Наталья Иванова уже как три с лишним года замужем. Две попытки родить после той трагической потери не завершились успехом. Внематочная. Замершая. Что-то сбилось в материнском коде, надломилось в душе. Миллионы сданных анализов. Всё хорошо. Всё гладко. Всё абсолютно нормально. Разные клиники, талантливые врачи. Все в один голос обнадеживают следующими попытками. Но этой весной она чётко решила, что, если организм против, она пойдёт другим путём. Она перелопатила всю федеральную базу данных детей без попечения родителей, готовых к усыновлению. Окончила школу замещающих родителей. Уговорила мужа. Кирилл долго не соглашался. Но, посещая с Ташей школу по выходным, постепенно сдался и принял решение – им это нужно. Наташа раскидала запрос по всем знакомым. Понимая, что ожидание в наше время может занять годы, Таша вспомнила, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И активно объезжала детские дома, органы опеки в регионах.

– Наталья, есть мальчик, три с половиной года. Думаем, вам с мужем надо посмотреть его, – звонок был неожиданным.

– Мы можем на выходных через неделю, – Наталья была готова вылететь хоть завтра. Но понимала, что это решение двоих и надо выбрать удобное и для Кирилла время.

– Хорошо, мы предупредим профессиональную семью. Приедете на футбольную тренировку и посмотрите. Он ходит в секцию для самых маленьких.

– Принято. Я посоветуюсь с психологом, как лучше себя вести, – ответила Таша.

– Вы интуитивно всё сделаете правильно, – успокоили на том конце провода. – Только мы хотели предупредить, что у Георгия нерусские корни. Мы не знаем точно национальность. Но вы вроде указывали, что не против другой национальности?

– Это неважно. Если можно, пришлите фотографию. Любопытно.

На фото улыбался позитивный и смешной малыш, смуглый, с раскосыми глазами и слегка приплюснутым носиком, его брови стремились срастись в одну линию, а хитрый прищур гарантировал, что парень точно будет нескучным. Таша считала дни и часы до встречи.

Был прекрасный летний день. Они сильно нервничали с Кириллом. Но как только увидели маленького Гошу, сразу поняли – он их и ничей больше. День с ним был особенным. Они испытали с Кириллом чувства, совсем позабытые, а, может, и вовсе уникальные. У Таши – одиннадцатилетняя дочь, у Кирилла – в Лондоне живет десятилетний сын. Оба родили детей в очень молодом возрасте и долго привыкали к роли родителей, а к маленьким детям в двадцать с небольшим относились как к последним куклам. Сейчас же они смотрели на Гошу как на чудо.

Георгий – «победитель». «Мурад» в переводе с персидского означает «цель». Цель, ведущая к победе. Сначала Таше казалось, что она бредит. Быть такого не может, ей кажется! Гоша лежал в любимой позе Рагимова, одну ногу положив на другую, сложенную в коленке. В свои почти четыре он шутил как Руслан. В конце концов, у них была очень схожая аура, энергетика, ощущение человека. И это не могло не поражать. Как это принимать? Как иронию судьбы?..

Ковер из листьев вдоль городских дорог. Будто разлили краску.

Ветер треплет листья, подбрасывает их. За окном мерседеса проскальзывают последние солнечные деньки этого осеннего сезона. Дальше природа будет вынуждена свернуть в сторону зимы. Таша любит осень. В это время мысли раскладываются по полочкам, можно трезво рассуждать, понимать себя. «Всё, что ни делается, – к лучшему», – в сотый раз подумала Таша. Когда душа не принимает решения судьбы, жизнь, фатальные повороты, надо просто подождать. Время лечит, пусть и не сразу. Оно словно специфическое лекарство копится, а вместе с ним набирается потенциал начать всё заново, пережить грусть, понять, что тебе нужно на самом деле. И это может быть абсолютно другое, не то, чего ты ожидал.

Последний месяц, несмотря на общее спокойствие, Таше снятся странные сны. Будто откуда-то сверху, из космоса, её стремятся о чём-то предупредить. Снятся умершие люди, странные трансформации новостных лент, подсознание дает сбой, включает страшные кадры. Мозг пытается донести информацию, смысл которой пока не понятен.

Таша надеется, что осень, как и много лет подряд, всё расставит по местам, всё будет так, как должно быть.

В небе летела стая птиц. Черные линии крыльев на ярко-голубом небе. Таша верила, что они летят туда, где вечное солнце, где тепло и не бывает морозов. Когда-то она мечтала остаться в Баку, в его утопающих в солнце домах. Каждый день смотреть на море – даже не купаться в нём. Моря можно касаться глазами, вдыхать его, погружаться мысленно в его синеву, которая как губка забирает все негативные эмоции и дарит внутреннюю свободу. В Баку свой особый запах. Говорят, что это пахнет нефтью, но Таше кажется, что это запах безмятежности, беззаботности. Ещё выходя из аэропорта, ты вдыхаешь его и становишься другим. Пропадает злоба, напряжённость, грусть, появляется юношеский задор и легкий азарт. Таша обожает ехать из аэропорта имени Гейдара Алиева в сам Баку. Южные растения, красивые заборы из известняка. Восточная сказка здесь становится близкой как никогда. Приезжая в город, Таша отправ-

ляется в любимый ресторан, заказывает кофе или чай со сладостями и обязательно шекербуру, утопая в её сахарно-ореховом вкусе. Потом долго гуляет по Торговой улице. И счастливая отправляется спать.

Птицы, видимо, тоже летят к счастью. Они что-то выкрикивают на лету, будто делясь своей радостью. Птицы смеются над людьми, которым предстоит мёрзнуть под серым небом. Люди не так свободны, как пернатые. Человек связан обязательствами и принципами, обручальными кольцами, контрактами, договорами, придуманными барьерами и миллиардом страхов. Страх потери и страх одиночества держат сильнее кандалов.

Таша набрала воздуха в грудь и проводила птиц взглядом.

Рецепт шекербуры

ДЛЯ ТЕСТА:

- *300 мл молока*
- *1 яйцо*
- *250 гр топлёного масла (лучше домашнего)*
- *3 ст. л сметаны*
- *1 ч. л сухих дрожжей*
- *1 ст. л сахара*
- *5 шт. кардамона (молотый)*
- *850 гр. муки*

ДЛЯ НАЧИНКИ:

- *орехи грецкие – 500 гр.*
- *фундук – 250 гр.*
- *миндаль – 250 гр.*
- *сахар (мелкий) – 1 кг*
- *кардамон – 5 шт. (молотый)*

Миндаль залить кипятком на 5 минут.

Откинуть на сито и очистить от кожицы.

Высушить миндаль в печке при 100 C^0 (не жарить), постоянно помешивая.

Фундук высушить (не жарить) около 10 минут в духовке при 100 C^0.

Собрать ядра орехов в полотенце и покатать по рабочей поверхности стола таким образом, чтобы очистить орехи от шелухи. Охладить.

Грецкие и охлаждённые орехи измельчить в блендере.

Орехи смешать с сахаром.

Растопленное сливочное масло взбить с яйцом и тёплым молоком, затем добавить дрожи, сахар, кардамон, сметану.

Далее малыми порциями добавить просеянную муку. Вымешивать 15 минут. Тесто должно получится гладким, слегка крутым, эластичным и не липнущим к рукам. Завернуть пищевой плёнкой, отложить на 20 мин. Тесто не должно подойти, иначе нанесённые узоры при выпекании исчезнут с поверхности шекербуры.

Тесто раскатать в жгут, нарезать на кусочки.

Сформировать небольшие шарики, размером шаров настольного тенниса.

Каждый шарик раскатать на маленькие кружочки 10х10 см и толщиной 1 см. Накрыть крышкой.

На кружочки положить по 1 ст. л начинки, защипнуть края.

Края винтообразно закрутить.

На поверхность наносить различные узоры.

Выпекать при 160—180 C^0

Готовность можно определить, приподняв её. Она должна быть крепкая, а снизу – слегка поджаристой. Важно не передержать в духовке, иначе шекербура будет сухая.

Шекербура обязательно должна остаться белой, она не должна быть золотистой.

Гранатовый сок

Я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь
от тебя, чем от них обоих.
Ниоткуда с любовью. Иосиф Бродский.

Глубокий цвет сока граната таит в себе трагичность. Словно пролитая кровь. Или закат в жаркий день. Сок льётся, дарит сладость, которую понять по силам только тем, кто прошел нелёгкий и противоречивый путь. По одной из давних кавказских легенд жили на свете юноша и девушка. Они любили друг друга, и родители одобрили их выбор. Обручившись, молодые отправились к святому месту. Но не понравилось это злому духу, жившему неподалёку. Поднялся страшный ураган, который подхватил влюблённую пару и унёс далеко от родных мест. Оказались они в пустынном месте, где ни звериных троп, ни птичьих песен, ни трав, ни ручьёв многоголосых. Долго шли они, пытаясь найти дорогу к родному дому, но тщетно. Обессиленная девушка уснула, а юноша сомкнул веки и увидел то ли сон, то ли явь – предстал перед ним кто-то и говорит: «Вдвоём вам не спастись, убей её, и я выведу тебя из заколдованного места».

Но юноша решил, что, если выжить суждено одному из них, то пусть живёт любимая, пронзил он свою грудь кинжалом и, умирая, прошептал: «Будь счастлива, выходи замуж и роди много детей». Но юноша не умер, превратился он в гранатовое дерево. И как только девушка, рыдая, сорвала гранатовый плод, чары рассеялись, нашла она путь домой. Вышла замуж и родила много детей, как просил её любимый. И жила она долго, так долго, что дождалась праправнуков и всем наказала растить гранатовые деревья. Разошлись по свету её потомки, а с ними и гранаты.

Лет пять назад один дружественный журнал попросил Ташу написать историю женщины, судьба которой странным образом переплелась со страшным событием в стране. Женщина работала журналистом на федеральном телеканале и долго эту историю не раскрывала. Но годы сгладили страх осуждения, эмоции девушки просились наружу. Как-то на кухне в доверительной беседе она рассказала эту историю редактору журнала, и тот загорелся опубликовать её.

Таша тогда в свободное от основной работы время писала колонку женских историй, в которую попадали актрисы, певицы, женщины героических профессий и просто представительницы прекрасного пола, проявившие внутреннюю силу в трудных жизненных условиях. Рубрика называлась «Женские судьбы» и включала рассказы от первого лица, которые Таша писала на основе проведённого интервью. Интервью длилось семь часов. Пока писали, они с героиней плакали и смеялись, выпили две бутылки вина и разошлись подругами. Это интервью было словно сеанс психоанализа. Таша вспомнила его, так как её любовь к Гоше нарастала, и она не всегда знала, как понимать чувства, жить с ними. Любовь к Гоше не только соединила в себе огромную симпатию, обожание маленького ребенка, но и стала проекцией чувств к Руслану. Чувств, которые давно пора отправить в архивы. Но они болезненно льются в её крови гранатовым соком надежды. Надежды на то, что когда-нибудь, в глубокой старости, она сможет сказать ему всё, что пережито внутри, что столько лет блуждало в её сознании воспоминаниями и миражами. Она перечитывала ту давнюю статью и узнавала в героине свои материнские чувства и понимала, что любовь настолько многогранна, что может жить вне времени, пространства, традиций, жизни и смерти.

Выпуск №34, журнал «ПРОЖЕКТОР», 21 сентября 2017 года

Вот бы крылья… Ничего не успеваю. Рука скользила по полке. Ключей нет. До начала спектакля остаётся чуть более получаса, и времени явно не хватает. Московские пробки в седьмом часу вечера грозят перечеркнуть все планы. Где же ключи? Я же точно помню: вбежала, положила их на полку и ушла в спальню переодеваться. Нервы на пределе. Если я не успею, Рустам на меня обидится. Я и так вижу ребёнка короткими вечерами, работа забирает всё жизненное время, все силы, все позитивные настроения, оставляя моему малышу усталый взгляд после тяжёлого эфирного дня. Мой мальчик, няня должна привести его к без пятнадцати семь. Где же ключи? Я рванула в спальню. Может, второпях я положила их в карман и уронила на ходу… Встав на колени, я заглянула под кровать. Вот они! Рядом с ключами валялось ещё что-то, блестящее, покрытое толстым слоем пыли. Нет, этого не может быть! Он же пропал ещё года четыре назад, когда я въезжала в эту квартиру. Маленький серебряный кулон, от которого до сих пор будто бы пахнет Каспийским морем, горячими лепёшками и жаркой пылью Махачкалы… Октябрь – а в руке кусочек далёкого лета.

Это было грустное лето, когда мысли не собирались в однозначные предложения, а чувства рассекались ломающими душу сомнениями. Мне было двадцать пять. Хороший возраст для здоровых амбиций, серьёзных романов и первых твёрдых шагов по жизни. А я потеряла равновесие. Линия судьбы снизила чёткость до пунктира, и я мучительно не знала, что делать дальше. Переживая развод с мужем, искала новую опору, плечо, на которое можно опереться, поплакаться. Казалось, что все вокруг ждут какой-то реакции, депрессии, слезливых исповедей. А мне хотелось уехать, подальше, надолго. Надолго – значит, хотя бы на несколько дней без эфира. На несколько дней без связи с теми, кто имеет отношение к повседневной жизни. Нужно было найти повод. Какой-нибудь абсолютно рабочий и невероятно важный. Я напросилась в командировку в Центр изучения антитеррористической журналистики. У меня на руках был спасительный билет в Махачкалу. В самолёте я тихо молилась, прося Господа помочь переключить мозг на время, дать прийти в себя. В то утро у меня впервые появилось ощущение, что в области лопаток пробиваются крылья. Я лечу, взлетаю со взлётной полосы в небо, где, будто от близости к богу, проще найти спасение. Облака, купающиеся в лучах солнца, жизнь с проблемами, отдаляющаяся при наборе высоты, и я, с крыльями. Грустная, уставшая, замученная, но с крыльями.

Вот бы крылья… Сейчас… В этих московских баллах загруженности. Руся, небось, уже стоит с Зоей Фёдоровной около театрального центра. А мне ещё ползти и ползти. Русечка, мой ангел. Тебя не было в то далёкое лето. Если бы ты был у меня, никуда бы я не поехала. Хотя… Ты должен был появиться позднее… А в тот жаркий июнь откуда-то из космоса ты посылал мне крылья. Чтобы долететь до тебя…

Терпкий запах многодневной жаркой истомы, душная нега улиц, неряшливый облик города. Будто он никому не обязан быть чистым, ухоженным, благоустроенным. Он похож на старого аварца, встретившегося мне в одном из многочисленных переулков. Я увидела его из окна такси. Борода с сединами, чёрно-серая, будто запылившаяся, одежда, не имеющая формы. В прошлом, наверное, он был безумно красив, в его магически чёрных глазах светилась энергия силы и мощи, энергия глубины. Город был независимым, гостеприимным, но мысленно не принимающим чужаков. Гостиница, номер люкс. Место временной дислокации, зона моего морального отчуждения. Брошенные вещи и крылья за спиной. Я летела. Сняла туфли и босиком пошла по нежному песку. Вода в Каспийском море была приятно тёплой, ласкающей ноги. Прибегающие струйки воды щекотали пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.